

Дубовицкая М. А. Американский графический роман : мультимодальность и идентичность / М. А. Дубовицкая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 228—246. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246.

Dubovitskaya M. A. (2022). American Graphic Novel: Multimodality and Identity. *Nauchnyi dialog*, 11(3): 228-246. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246

Американский графический роман: мультимодальность и идентичность

Дубовицкая Мария Анатольевна
orcid.org/0000-0002-7003-8392
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языка
clouddancing@mail.ru

Московский государственный
институт международных
отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

American Graphic Novel: Multimodality and Identity

Maria A. Dubovitskaya
orcid.org/0000-0002-7003-8392
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English
clouddancing@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations
(University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Дубовицкая М. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Графический роман рассматривается как мультимодальный текст — комплекс вербальной и визуальной составляющих, а также как особый литературный жанр. Разграничиваются понятия комикса и графического романа. Приводится определение понятия «мультимодальность», и описываются основные подходы к изучению мультимодального текста. Уделяется внимание вопросу идентичности в мультикультурном аспекте. На примере конкретного автобиографического графического романа анализируется дискурсивное конструирование идентичности визуальными и языковыми средствами. Обосновывается целесообразность применения критического дискурса-анализа для понимания вербальных и невербальных связей, визуальных образов и разновидностей коммуникации, а также текста и контекста. Для исследования языковой модальности графической новеллы применялись методы лингвистического, лексико-семантического и контекстуального анализа художественного текста, в то время как иконические составляющие рассматривались с помощью методов наблюдения, интерпретации и сопоставления их с текстом. В романе были выявлены социально-культурные доминанты еды и внешности, которые способствовали конвергенции стилистических и иконических средств выражения смысла. Приведены примеры совмещения языкового, метаязыкового и визуального планов выражения аспектов идентичности в про странстве американского графического романа как мультимодального текста.

Ключевые слова:

мультимодальный текст; графический роман; критический дискурс-анализ; мультимодальный дискурс-анализ; идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The graphic novel is considered as a multimodal text — a complex of verbal and visual components. The differences between comics and graphic novels are explained. The definition of the concept of “multimodality” is given, and the main approaches to the study of a multimodal text are described. Attention is paid to the issue of identity in a multicultural aspect. On the example of a specific autobiographical graphic novel, the discursive construction of identity by visual and linguistic means is analyzed. The expediency of using critical discourse analysis to understand verbal and non-verbal connections, visual images and communications, as well as text and context is substantiated. To study the linguistic modality of the graphic novel, the methods of linguo-stylistic, lexico-semantic and contextual analysis of the literary text were used, while the iconic components were considered using the methods of observation, interpretation and comparison with the text. The socio-cultural dominants of food and appearance were revealed in the novel, which contributed to the convergence of stylistic and iconic means of expressing meaning. Examples of combining linguistic, metalinguistic and visual aspects of expressing aspects of identity in the space of the American graphic novel as a multimodal text are given. The novelty of the study is seen in the demonstration of identity markers in a multimodal text.

Key words:

multimodal text; graphic novel; critical discourse analysis; multimodal discourse analysis; identity.

Американский графический роман: мультимодальность и идентичность

© Дубовицкая М. А., 2022

1. Введение=Introduction

В современном мире поток непрерывный информации поступает через разные системы и каналы, что способствует симбиотической форме коммуникации. Несмотря на то, что феномен мультимодальности начал широко обсуждаться на рубеже XX—XXI веков, само явление известно с древнейших времен. Еще у народов майя были сосуды, украшенные картинками и текстами, которые образовывали повествования путем поворачивания посуды. Средневековые миниатюры наряду с изображением содержали надписи — отличным примером может служить цикл о жизни и работе ученого Раймунда Луллия. На миниатюре мы можем видеть рассказ о дискуссии Раймунда Луллия с его учеником и последователем Томасом Мейзье. Коммуникация с помощью визуальных средств естественна и имеет богатую историю.

Комикс как факт современной культуры сочетает в себе литературу и изобразительное искусство, синтез которых принес этому жанру огромную популярность. Графическая новелла является одним из форматов комиксов, ее главной особенностью стала равная роль языка и изображения для передачи смысла. В настоящее время графический роман, или новелла, пользуется популярностью у всех возрастов в силу того, что именно в этом формате поднимаются актуальные, острые социальные темы, находящие отклик в обществе. Полимодальная подача информации снимает определенное психологическое напряжение при рассмотрении резонирующих общественных вопросов. Актуальность данной статьи заключается в том, что впервые исследуется дискурсивное конструирование идентичности вербальными и невербальными способами на материале графического романа. Теоретическая новизна работы заключается в комплексном подходе, совмещающем лингвистические [Анисимова, 1992; Сорокин и др., 1990 и др.], литературные [Бахтин, 1975] и социокультурные исследования [Taylor, 1994; Йоргансен и др., 2008], а также исследования в области социосемиотики [Kress et al., 2001].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для данного исследования послужил графический роман писательницы, художницы и журналиста Малаки Гариб (Malaka Gharib) «Я была их американской мечтой» (“I Was Their American Dream”, 2019).

Этот текст с иллюстрациями можно отнести к одному из форматов комикса с большей долей вербальной составляющей, чем в традиционном комиксе. По своему размеру (162 страницы) и содержанию произведение Малаки Гариб соответствует художественному литературному тексту.

Целью исследования является определение составляющих дискурсивных маркеров идентичности в художественном графическом романе с учетом взаимодополнительности между вербальными и невербальными средствами.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: (1) уточнить понятие «мульти-modalность», (2) выявить различия между комиксом и графической новеллой, (3) выявить и описать основные доминанты идентичности в свете мультикультурализма, а также языковые средства выражения идентичности в пространстве мульти-modalного текста, (4) определить роль невербального компонента в дискурсивном конструировании идентичности.

Исследуя тексты мульти-modalной направленности, необходимо придерживаться подхода, при котором язык является одним из культурных кодов, поэтому языковые средства входят в число объектов анализа. Методика мульти-modalного дискурс-анализа, разработанная Гюнтером Крессом и Тео Ван Левеном, применяется в рамках социальной семиотики и предполагает выявление причин, целей, мотивации для создания сообщения в социуме, а для этого необходимо опираться на холистичный принцип рассмотрения различных семиотических систем и modalностей [Kress et al., 2001]. Языковая modalность не является центральным объектом анализа в мульти-modalном дискурс-анализе, она рассматривается наравне с другими modalностями (визуальной, аудиальной). Наряду с мульти-modalным дискурс-анализом используется критический дискурс-анализ, разработанный Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф. Ученые доказывали наличие разных дискурсов в одном, обнаруживая их при помощи узловых точек смысла или ключевых слов [Laclau et al., 2001]. Соотнесение ключевых слов с контекстом и их интерпретация позволят понять скрытые смыслы и подтекст. М. В. Йоргансен и Л. Дж. Филлипс в своем исследовании утверждают, что текст невозможно исследовать без связи с другими текстами и контекстами [Йоргансен и др., 2008]. Такой подход включает в себя анализ широкого спектра материалов, а также языковых и неязыковых средств.

Особенностью подхода Н. Фэйрклафа является конструирующая и конструируемая роль дискурса как важной формы социальной практики [Fairclough, 1989]. Под социальными практиками понимаются виды деятельности человека в разных сферах. Анализ всего многообразия практик позволяет увидеть динамику и структуру общества. Критический дискурс-

анализ дает понимание вербальных и невербальных связей, визуальных образов и коммуникаций. Согласно Н. Фэйрклафу, есть три способа функционирования дискурса в социальных практиках: 1) социальная активность, связанная с деятельностью и использованием соответствующего языка, 2) рефлексия чужих и репрезентация своих практик, 3) дискурс как проявление идентичности, образа жизни и стиля [Ibid.]. Для выявления диалектической связи элементов социальных практик (деятельность, агенты и их социальные отношения, инструменты, объекты, время, место, ценности) анализируются текст и контекст. Тексториентированный подход сочетается с междисциплинарным; детальный лингвистический анализ выполняется параллельно с социальным анализом. Н. Фэйрклаф вместе с другими учеными (С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер) утверждает, что язык конституирует идентичность, убеждения и социальные отношения. Человек беспрестанно конструирует реальность, в которой он находится. Этот процесс динамичный и постоянный, он может менять свой характер в зависимости от социального контекста. Самым важным элементом конструирования является идентичность, или самоидентичность. В языковом плане идентичность формируется на уровне коммуникативных средств в форме высказываний о ценностях, реалиях, убеждениях — словом, всего того, что может указывать на личность говорящего. Также идентичность может проявляться в противопоставлении себя другим, своей культуры чужой. Средствами языка идентичность может конструироваться на металингвистическом уровне в форме метаязыкового комментария в результате метаязыковой рефлексии, где последнее означает размышление говорящего над собственной речью и языком [Перфильева, 2006]. Таким образом, метаязыковой комментарий представляет собой вербальную репрезентацию метаязыковой рефлексии. Неязыковой план исследования идентичности может включать анализ иконических образов, цвета, костюма и шрифта.

В случае исследования графической новеллы мультимодальный дискурс-анализ предполагает исследование вербальной и невербальной составляющих одновременно. Для анализа языковой модальности графической новеллы применяются методы лингвистического, лексико-семантического и контекстуального анализа художественного текста, в то время как иконические составляющие исследуются с помощью методов наблюдения и интерпретации, а также сопоставления их с текстом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К определению мультимодальности

Гюнтер Кресс определяет *мультимодальность* как взаимодействие нескольких семиотических модусов для воспроизведения семиотическо-

го продукта или события [Kress et al., 2001]. Под *модусом* понимают набор семиотических средств для передачи сообщения [Kukkonen, 2013]. Т. В. Вдовина считает, что «модусом может выступать любая признанная в рамках данной культуры система значений — речь, письмо, цвет, шрифт, жестикация, мимика, интонация и т. д.» [Вдовина, 2012, с. 5]. Различные семиотические средства создают подходящий контекст для интерпретации и декодирования смыслов. Цель использования возможностей мультимодальности заключается в эффективности организации коммуникативного процесса и выполнения коммуникативных задач. Письмо, образ и цвет способны передать намного больше, чем мономодальный текст. Симультианность воздействия вербальных и невербальных компонентов является беспрекословным преимуществом мультимодальности и расширяет границы текстуальности. Согласно Ю. А. Сорокину, мультимодальные тексты — это «тексты, фактуры которых состоят из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин и др., 1990, с. 178—187].

В отечественной науке более распространенными являются термины *поликодовый* и *креолизованный тексты*, поскольку мультимодальный дискурс, как правило, включает несколько модальностей (аудиальную, визуальную), или несколько каналов восприятия и несколько семиотических систем (текст, изображение, графика). Так, Е. Е. Анисимова говорит о вербальном и изобразительном компонентах в креолизованном тексте, образующих «одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное, прагматическое воздействие на адресат» [Анисимова, 1992. с. 74]. Схожее определение креолизованного текста, встречается у М. Б. Ворошиловой. В. Е. Черняевская употребляет термин *поликодовый текст*, подразумевая взаимодействие нескольких семиотических кодов в текстовом пространстве [Черняевская, 2009].

Применительно к нашему исследованию терминологическое различие между *креолизованным*, *мультимодальным* и *поликодовым текстами* не является принципиальным. Однако следует отметить, что жанр графического романа как один из форматов комиксов зародился в США, поэтому уже сложился западный подход к его изучению. Обзор исследований показывает, что применительно к интересующему нас типу текста в международных исследованиях широко используется термин *multimodal* [Bateman, 2008; Chu et al., 2015; Jewitt, 2005; Walsh, 2006]. В целях включения нашей работы в международный контекст мы будем говорить о *мультимодальности* графического романа, в основе которого лежит симультианность воздействия вербальных и невербальных компонентов.

3.2. Комиксы и графические новеллы (романы)

У комиксов и графических романов есть общие истоки. Авторы эпохи Просвещения сопровождали иллюстрациями религиозные тексты, сатиру и юмор. Цикл картин и гравюр Уильяма Хогарта является ярким примером такого жанра. Во второй половине XIX века этот жанр развился, и появились целые циклы иллюстраций, объединенные одной сюжетной линией. Рудольф Тепфер, Вильгельм Буш, Ричард Ф. Аутколт не боялись экспериментировать, изображая слова и мысли героев в «облачках». В 1938 году вышел первый номер Action Comics с культовым героем — Суперменом, который ознаменовал новую эру комиксов. В настоящее время все чаще обращаются к термину *комикс*, чтобы разграничить огромный пласт произведений художественной направленности и выделить в нем этот сегмент текстов. Ряд ученых (Scott McCloud, David Carrier, Mario Saraceni, Douglas Wolk, Thierry Groensteen, Mike Chiin) предпочитают этот термин для обозначения иконического языка, который используется в рассказе в картинках, карикатуре, комиксе. Одного слова *комиксы* недостаточно, чтобы разграничить язык, жанр и поджанр. Журнал комиксов, карикатуры, иллюстрации и рекламу объединяет иконический язык, однако между ними есть отличия. Мы можем говорить о степени последовательности изложения, соотнесенности изображения непосредственно с текстом, текстово-графической развертываемости событий, чтобы разделить, например, карикатуру или рекламу и графическую новеллу.

Гораздо сложнее дифференцировать комиксы и графические новеллы, так как оба жанра имеют такие черты, как строгая последовательность изложения, графическая (иллюстративная) соотнесенность с текстом и динамическая развертываемость событий. Графические истории появились позже и являются продолжением и трансформацией жанра-предшественника. Главное различие комикса и графической новеллы касается категории хронотопа. Согласно М. М. Бахтину, «в литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время в романе сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин, 1975, с. 235]. Последовательность диегетических событий формирует особый виртуальный мир хронотопа. Если сравнивать графическую новеллу и комиксы, то именно первая приближена к роману, если описать на определение романа М. М. Бахтиным. В романе присутствует развитие, становление и описание формирования личности. Качества и черты героя не даны изначально, как в традицион-

ных комиксах о супергероях, а подвергаются трансформации в результате выпавших на его долю испытаний. В то же время графическая новелла, обладая литературными чертами романа, имеет и безусловные отличия от последнего, продиктованные самой подачей мыслей автора. Визуализация текстовой информации накладывает на форму графического романа определенные ограничения. Вербальная составляющая графической истории сжимается, сокращается, передавая лишь суть авторской мысли и обрисовывая проблему и конфликт. Задача читателя заключается в том, чтобы восполнить недостающую информацию и понять авторский замысел с помощью невербальной, графической составляющей. Графическая новелла является текстом с полной креолизацией, с тесной взаимосвязью иконического и вербального знаков. Смысл произведения раскрывается одинаково с помощью изобразительного ряда и вербального текста.

3.3. Мультикультурный аспект. Идентичность. Дискурс

Вопрос мультикультурализма впервые был поднят в 1960-х годах на фоне обсуждения вопросов, сфокусированных вокруг организации жизни и быта гетерогенного этнокультурного населения и необходимости включения меньшинств в социально-культурный контекст. Чарльз Тейлор в своей самой знаковой статье постулировал необходимость глобального признания культурного разнообразия и избегания стереотипизации мышления в отношении меньшинств, так как «каждый наш голос неповторим и изрекает нечто уникальное» [Taylor, 1994, p. 42]. Общество становится все более гетерогенным, поэтому нужны механизмы и инструменты для понимания новых социальных конструктов. Слова *гетерогенный* и *мультикультурный* не являются синонимами. В мультикультурном обществе этнокультурное многообразие признается ценностью в отличие от гетерогенного общества, где это, скорее, проблема [Parekh, 2006, p. 5—6]. Концепция «плавильного котла», пропагандирующая модель этнического развития, зародилась в Америке с целью смешения разных народов и формирования единой нации и стала «национальным символом столетия» [Чертина, 2000]. Однако впоследствии эта концепция встретила резкую критику в лице сторонников культурного плюрализма (Г. Каллена, У. Джеймса, Д. Дьюи), которые отстаивали право меньших культур на самобытность. В настоящее время концепции мультикультурализма и культурного плюрализма продолжают развиваться, порождая метафоры культурного соседства, такие как «салатная миска», «мозаика», «калейдоскоп».

Культурный параллелизм, соседство или сосуществование непосредственно связаны с вопросом идентичности. В зависимости от степени открытости новой культуре у человека формируется синтезированное

пространство, вмещающее элементы исходной и новой культур. Взаимопроникновение культур у индивида можно назвать «гибридизацией», а результат смешения культур получил название «гибридность» [Cohen et al., 2000]. Таким образом, гибридная идентичность находится в переходном состоянии между привычным и новым, при этом человек испытывает противоречивые чувства. В результате переживания нового опыта происходит переосмысление и переоценка, а также поиск возможностей выстроить свою жизнь в соответствии с новыми обстоятельствами и задачами. Безусловно, этот этап является переходным. Согласно антропологам Арнольду ван Геннепу [Геннеп, 1999] и Виктору Тернеру [Turner, 1992], переход включает в себя три состояния: отделение (утрата привычных ориентиров и точек опоры), переходное состояние и реагрегация (обретение новой целостности). Последнее происходит в рамках дискурсивного конструирования идентичности и рефлексии над чужими и своими социальными практиками. В психологическом плане у человека возникают эмоции, отражающие переживания, которые имплицитно в мультимодальном тексте графически и лингвистически. Эти эмоции максимально ярко проявляются на фоне культурных доминант, таких как еда (кухня), музыка, религия, костюм. Под религией могут пониматься просто социальные практики, отдаленно напоминающие религиозные представления, а под костюмом — принятые стандарты внешности, стиль в одежде и понимание красивого.

3.4. Дискурсивное конструирование идентичности в графическом романе “I Was Their American Dream”

Для анализа был взят автобиографический графический роман художницы и писательницы Малаки Гариб (Malaka Gharib) «Я была их американской мечтой» (“I Was Their American Dream”, 2019). Она выразила не только в словах, но и в иллюстрациях свой опыт межкультурного общения в семье и за ее пределами. Малака родилась в Америке, однако ее родители приехали в США уже в зрелом возрасте. Ее мать — филиппинка, а отец — египтянин. Хотя для Малаки Америка родная страна, она не может не ощущать связь со своими корнями. Родственники (арабы) со стороны отца, а также окружение, в котором девушка постоянно находится (филиппинцы), проживая в полиэтничном городе Серритос в Калифорнии, ставят вопрос самоопределения на первый план. Стремление осознать свой уникальный этнокультурный опыт может иметь разные причины: от интереса и любопытства до желания разрешить внутренний конфликт.

В графической новелле “I Was Their American Dream” происходит смена места действия. Путешествие и передвижение героини имеет большое значение в ее самоопределении не как достижения финальной завершен-

ности, а как непрерывном процессе конструирования собственной идентичности в зависимости от социального контекста. Проследим траекторию передвижения главной героини. Малака родилась и выросла в Калифорнии, но постоянно ездила к своему отцу в Каир, у которого там была другая семья. Повзрослев, героиня приняла решение учиться в Сиракузском университете в штате Нью-Йорк. С демографической точки зрения эти места очень непохожи. Серритос — это город в округе Лос-Анджелес, Калифорния, где 61,9 % составляют азиаты и только 16,6 % — неиспаноязычное белое население. Город Сиракузы в штате Нью-Йорк, куда героиня отправляется учиться после окончания школы, является пятым по численности населения, где 56 % населения составляют белые.

Передвижение из одной точки в другую влияет на восприятие себя. В зависимости от количества национальностей, проживающих в одном месте, будет формироваться оценка себя и других.

Рассмотрим и проанализируем вербальный и невербальный компоненты текстовой презентации идентичности главной героини. История героини начинается с ее родителей и их ожиданий относительно новой страны проживания, во многом сформированных под влиянием песен и фильмов. Мама Малаки слышит о США из песен американского фолк-рок-дуэта Пола Саймона и Арта Гарфанкела, в частности, композиции «Америка», где упоминаются штат Мичиган и город Питтсбург. Отец Малаки воспринимал Америку через призму «американской мечты», в основе которой лежат свобода личности и выбора. Свободу предпринимательства и бесконечность возможностей олицетворяют высотки Нью-Йорка. На фоне визуальных небоскребов используются стилистические приемы перечисления: ... *New York, with all the high-rise buildings and the cars and the shops and the malls* (Нью-Йорк со своими высотками, машинами, магазинами и торговыми центрами) (здесь и далее перевод наш. — М. А.) — и повторения отрицательной частицы: *Not Europe. Not Australia. Not Canada. Not Berlin, London, Paris*, а также стилистический графический прием, а именно использование заглавных букв (*AMERICA*) и перифраза: *I want OPEN SKY. I want AMERICA* (Я хочу открытое небо. Я хочу Америку) [Gharib, 2019, p. 16]. Перечисленные приемы являются средствами выражения идиллических представлений. Сочетание языка и графики придает эмоциональность и живость рассказу, в содержании которого ключевым понятием является мечта. Получение визы сопровождается визуализацией радости и иноязычными вкраплениями, обозначающими хвалу и благодарность Богу (*Insha 'allah; Alhamdulillah*) [Ibid., p. 18]. Уже в США родители Малаки знакомятся и создают семью. В дальнейшем у филиппинки мамы и египтянина папы появляются разногласия на почве религии, социальных и семейных установок. Обвиняющий указательный

жест сопровождается высказываниями-инвективами на иностранных языках: тагальском (*ang tigas ng ulo mo!*) и арабском (انتدّص عبة), со сносочной переводом внизу (*Ты упрямый (ая)!*). Однако эмоциональность высказываний достигается восклицательными знаками, недовольным выражением лица и иноязычным графическим написанием, подчеркивающими конфликт культур и национальностей. Малака оказывается транслятором двух разных культур (филиппинской и арабской) в американской культуре, что приводит к различным формам синтеза и слияния.

В графической новелле можно выделить определенные культурные доминанты, которые в тексте выражаются лексически, стилистически и графически. Одной из таких культурных доминант является еда. Еда и кухня выступают важными индикаторами идентичности. Традиционное филиппинское блюдо монгто (суп из зеленой чечевицы, лука, чеснока, мяса, листьев моринги) описывается сильными прилагательными *most hated as a kid* и *fabulous* (ненавидимый в детстве и потрясающий) [Ibid., p. 30]. Традиции приготовления блюд передаются из поколения в поколение: *Garlic, onions, tomato — the trinity of Filipino cooking!* (Чеснок, лук, помидоры — троица филиппинской кухни) [Ibid., p. 38]. Лексема *trinity* обладает семантикой сакральности, которая хоть и присутствует в высказывании напрямую, но передает важность традиции, ее вневременность и актуальность. Изображение большого круглого стола, уставленного разнообразными яствами, за которым сидят многочисленные родственники, является фоном для перечисления традиционных блюд: *hot and sour soup* (горячий остроокислый суп), *crispy noodle* (хрустящая лапша), *shrimp on the fried rice* (креветки на жареном рисе), *pork chops* (свинные отбивные) [Ibid., p. 39]. Блюда филиппинской кухни являются объединяющим элементом среди своих, например, *siopao*, филиппинская версия паровой булочки с разными начинками, является частым перекусом в школе у детей с филиппинскими корнями: *Yuck! Cold Siopao for lunch. — Ugh. Me, too* (Фу! Холодная сиопао на обед. — Угу. У меня тоже) [Ibid., p. 42]. Национальное филиппинское блюдо *панцит* (жареная рисовая лапша с мясом, морепродуктами, овощами и так далее) выступает важной частью идентификации себя с родной культурой наряду с танцами, костюмами и письмом и ассоциируется с чем-то родным и близким, особенно в новой среде, где оказалась Малака, переехав учиться в Сиракузы [Ibid., p. 105]. Даже филиппинские консервы сардины «Лиго» оказываются вдруг желанным блюдом: *Finally! Some real food!* (Наконец-то! Настоящая еда!). Героине приятен аромат еды (вдыхая его, она предлагает: *sniff* «понюхай»), в то время как у других этот запах вызывает отторжение [Ibid., p. 106]. Еда является богатым источником для сравнений и описаний в силу того, что она часть семейных и культурных традиций и имеет си-

нестезийный характер. Полимодальное восприятие еды (цвет, запах, вкус, воспоминания, ассоциации) особенно ярко проявляется на расстоянии, когда человек вынужден оторваться от привычного окружения или обстановки (*big clouds of fluffy rice* — огромные облака воздушного, рассыпчатого риса). Кухня является поводом для сближения и неотъемлемой частью при знакомстве с культурой. Малака готовит свои, хорошо знакомые ей блюда для будущего мужа, которому непривычны специи и ингредиенты азиатской кухни, например тамаринд, однако они воспринимаются благожелательно: *That is EXTREMELY sour ... and SO ... tasty* (Это так кисло ... и очень вкусно) [Ibid., p. 130]. Слова-усилители к прилагательным *sour* и *tasty* являются языковым выражением чувств и эмоций при знакомстве с новым и непривычным. Экспрессия достигается пунктуационным приемом использования многоточия и графически — написанием заглавных букв.

Из арабской кухни наиболее популярным является фалафель. Обозначение этого блюда, наряду с названиями блюд филиппинской кухни, участвует в образовании авторских неологизмов. Выражением *falafel surprise* (фалафель с сюрпризом) шутивно характеризуется идентичность главной героини, так как внутри традиционного фалафеля находится любимое ею консервированное мясо под маркой *SPAM* — аббревиатура от англ. *Shoulder of Pork and hAM* (свиные лопатки и окорока): *Inside, there's a little chunk of SPAM, ha-ha-ha* (Внутри есть немного SPAMа, ха-ха-ха) [Ibid., p. 78]. Марка *SPAM* приобрела огромную популярность во время второй мировой войны, так как это мясо выдавалось солдатам и было доступно для населения в отличие от обычного мяса. Эта еда стала популярной не только в США и Англии, но и в Юго-Восточной Азии, в частности на Филиппинах, где *SPAM* является уже культурным символом страны. *Falafel surprise* иносказательно характеризует идентичность человека, в котором совмещаются разные культурные черты, в данном случае арабские, американские и филиппинские.

По этому же принципу лингвокреативность героини проявляется в образовании выражения *zaatar-covered onigiri* (онигири с заатаром) и *rose-water-flavored mochi* (моти с ароматом розовой воды). *Motu* (вид рисового теста) и *онигири* (пресный рис, слепленный в виде треугольника или шара) являются блюдами азиатской кухни, а *zaatar* и розовая вода широко используются в ближневосточной кухне. Главная героиня подчеркивает сочетание в себе ближневосточной и азиатской культур в разных вариациях. Эти авторские неологизмы и метафоры являются ответом на оскорбительные эпитеты и обидные неологизмы извне: *whitewashed* (человек, который забыл свою культуру и привержен культуре большинства, или белых), *pho-lu* (притворяющийся, здесь имеется в виду человек иной этничности, однако старающийся выглядеть как белый американец), *big fat poser* (самый

настоящий позер, то же самое, что и *phony*), *banana* (азиат снаружи, белый внутри), *egg* (белый снаружи, азиат внутри), *twinkie* (кекс-закуска золотистого цвета с кремом внутри, то есть азиат снаружи, белый внутри) [Ibid., p. 77]. Оскорбительность эпитетов состоит в обвинении в неискренности и лицемерии людей, принадлежащих иной культуре, а также их стремлении замаскировать свою идентичность. Хотя перечисленные выше окказионализмы не стали подлинными неологизмами с пометкой в словаре, тем не менее они были подхвачены небольшой группой говорящих, использующих их многократно при референции к одним и тем же объектам. Потребность в новых словах возникла в результате отсутствия конвенциональных средств для выражения сложных явлений, а именно для маркирования принадлежности к нескольким культурам одновременно и умения переключаться с одного культурного кода на другой. Если судить по намерениям экспрессивно-эмоционального воздействия на носителя того или иного культурного кода, то можно говорить о наличии некоторой неприязни в отношении человека, вмещающего разные культурные ценности и особенности. Если расположить негативные окказионализмы-эпитеты на одной шкале, то самым оскорбительным будет *big fat poser* и *phony*, затем *white-washed*, а более или менее нейтральными, хотя тяготеющими к негативной коннотации, будут *banana*, *egg* и *twinkie*. Возвращаясь к ответу героини на недоброжелательные высказывания в свой адрес, охарактеризуем его как лингвистический способ психологической разрядки с помощью юмора и лингвокреативности (см. *falafel surprise*, *zaatar-covered onigiri* и *rosewater-flavored mochi*). Последняя является одновременно показателем лингвистической и металингвистической компетенций. На металингвистическом уровне осуществляется анализ слова и вырабатывается определенное отношение к коннотациям и подтексту.

Внешность (в том числе стиль) составляет другую культурную доминанту любого общества. В частности, цвет кожи как ключевой признак внешности является индикатором идентичности. Еще в начале романа при рождении Малаки ее отец обращает внимание на цвет кожи ребенка — смуглый (*brown*), обозначение впоследствии превратится в уменьшительно-ласкательное *brownie* (смугленькая). Здесь реконструируется положительная ассоциация с шоколадным пирожным «брауни». Цвет кожи выступает яркой отличительной чертой, подчеркивающей инаковость героини наряду с акцентом и кулинарными пристрастиями. С выражением недоумения на лице героиня произносит фразу: *I didn't really feel like a 'real American'* (Я и не чувствовала себя по-настоящему истинной американкой). Это утверждение является общим по отношению к последующим: *I had a round, brown face. I loved SPAM. I spoke English with a Tagalog accent*

(У меня было круглое и смуглое лицо. Я обожала СПАМ. Я говорила на английском с тагальским акцентом) [Ibid., p. 54]. В первом обобщающем предложении с отрицанием (*didn't*) есть два однокоренных слова — прилагательное *real* и наречие *really* (настоящий, по-настоящему), которые создают эффект плеоназма, то есть избыточности. Лексема *feel* в тексте выделена графически волнистой линией, что совместно с оборотом речи плеоназмом добавляет эмоциональности целому высказыванию и лишает его аксиоматичности, придавая оттенок субъективности и вариативности. Если бы вместо слова *feel* был использован глагол *to be*, то тогда мы получили бы утверждение-аксиому *I really was not a 'real American'* (Я вообще-то не являюсь настоящей американкой) и последующие дедуктивные умозаключения, объясняющие, почему героиня не является американкой: она говорит с акцентом, любит популярные в среде филиппинцев блюда и имеет смуглую кожу. Однако здесь глагол *feel* дает модальность всей цепочке рассуждений, так как чувствовать не означает быть. Таким образом, героиня подчеркивает сложность и уникальность своей идентичности, при этом не постулирует невозможность быть американкой, даже имея нестандартную внешность, акцент и вкусовые пристрастия.

В той же модальности построено следующее утверждение главной героини: *Basically, I felt like a GIANT, SPAM-EATING FOB!* (В основном, я чувствовала себя огромным, поедающим СПАМ туристом) [Ibid., p.54]. Авторский неологизм и образность выявляют лингвокреативные способы преодоления конфликта, а также метаязыковой план рассуждения. Цвет кожи фигурирует в социальном конструкте и формирует бинарную оппозицию: белый — небелый (*white-non-white*). Город Серритос, как уже упоминалось выше, вмещает много национальностей и людей разной этничности, поэтому у героини формирование собственной идентичности идет на фоне культурного многообразия. Тем не менее, помимо привычной оппозиции *я — иной*, присутствует умозрительный образ белого американца: *What I really wanted, though, was to meet real-life white people. And Cerritos had hardly any!* (Чего мне действительно хотелось, так это повстречать настоящих белых американцев. В Серритосе их почти не было) [Ibid., p. 71]. Словосочетание *white people* в тексте графически выделено волнистой линией. Вызывает интерес употребление прилагательного *white* с грамматической точки зрения. Традиционно прилагательные, обозначающие цвет, относятся к качественным прилагательным, имеют степени сравнения и могут использоваться со словами, определяющими прилагательное. Однако в данном контексте прилагательное *white* является относительным, так как оно указывает на происхождение, тем не менее оно не теряет грамматических особенностей, присущих качественным прилагательным. Таким образом, прилагательное

white употребляется в значении качественного в репликах главной героини: *He wasn't white, but he was close enough ... Being one of the 'whitest' boys in school, he really had his pick of the litter* (Он не был белым, но был близок к этому. Как самый «белый» мальчик, он мог выбирать самых лучших для общения и дружбы) [Ibid., p. 72]. Нестандартное грамматическое употребление прилагательного *white* говорит о том, что конструкт «белый» рассматривается опосредованно, через составляющие его элементы, как будто на расстоянии. Главная героиня транслирует мнение большинства своих друзей, говоря о безусловном превосходстве американцев: *I just knew, as a 16-year-old, that white > whatever the hell I was* (Я просто знала наверняка в свои шестнадцать лет, что белый превосходит меня во много раз, какой бы я ни была) [Ibid., p. 73]. Графически подчеркнута вторая часть фразы, начиная со слова *белый*. Символ больше (>) дает дополнительную отсылку к школьным годам героини, а также является частью визуально-семантической связки с придаточной уступительной конструкцией (*whatever*) и усилительной разговорной частицей (*hell*), несущей огромную эмотивную нагрузку. Маркеры превосходства белого американца рассеяны в тексте и имеют отношение к его культурному коду. Они лежат в плоскости еды: *They do normal stuff like eat sandwiches for lunch* (Они делают нормальные вещи, например едят сэндвичи на обед), языка: *They have perfect American accents* (У них идеальный американский акцент), статуса и материального положения: *They get to have cool jobs, like magazine editors. They are richer than everyone else* (Они получают классную работу, например редактор журнала. Они богаче всех остальных), а также одежды: *Clothes and make-up just look better on them* (Одежда и косметика на них лучше) [Ibid.]. Противопоставление *white* — *brown* фигурирует в представлениях, стереотипах и знаках культуры, при этом *white* вызывает ряд положительных текстовых ключей: *special (... being white made you extra special* / белая кожа делала вас по-настоящему особенным), *better (... everything white people did was better* / у белых все лучше получалось), *such fine taste* (безупречный вкус), *white people stuff* (штуки / вещи белых). Под «вещами белых» подразумеваются различные элементы культуры: музыки (*Weezer* — рок-группа из Лос-Анджелеса, основанная в 1991 году), литературы (*Kurt Vonnegut, Jonathan Franzen*), кино (*Daria* — мультипликационный сериал с 1997 по 2002 года; *Donnie Darko* — культовый научно-фантастический фильм 2001 года) [Ibid., p. 74]. В графическом романе изображения, эмоционально-окрашенные знаки препинания (восклицательный, вопросительный знаки) и текстовые ключи соположены вертикально-горизонтальным образом, тем самым они компенсируют логически-последовательное изложение традиционного романа и дают читателю простор для интерпретации.

Превосходство белой культуры манифестируется также с помощью эффективных речевых приемов, синтаксических конструкций (парцелляция, эпифора): *We are sending you to a white school so you can learn from them. Eat like them. Dress like them. Act like them* (Мы посылаем тебя в университет для белых, чтобы ты научилась у них. Ела как они. Одевалась как они. Вела себя как они) [Ibid., p. 90]. Учеба в городе Сиракузы в штате Нью-Йорк представляется временем радости. Изображение нотного ста-на и буквенный набор мелодии (howay oh huh oh hay oh uhh) передают воодушевленное настроение главной героини, которая проводит ассоциации между предстоящей поездкой и сюжетом американской подростковой драмы «Фелисити» (англ. Felicity), которая транслировалась с 1998 по 2002 годы [Ibid., p. 91]. Однако энтузиазм сменяется растерянностью, когда обстановка становится слишком отличной от привычной. Переезд — это встреча с другим этикетом и иными нормами поведения в обществе. Например, нельзя переходить личные границы и комментировать внешность собеседника: *Commenting on personal appearance was not cool. (Although very normal in Asian Culture)* / Делать замечания по поводу внешности не очень хорошо. (Хотя абсолютно нормально в азиатской культуре) [Ibid., p. 95]. Также считается бестактным интересоваться происхождением и национальностью. Вопрос *What are you?* (Кто ты по национальности?) может быть воспринят неодобрительно из-за подозрения, что собеседник намекает на чужеродность (*otherness*), и, соответственно, расцениваться как грубость (*being gross, crass*), оскорбление (*being offensive*) и уничижение (*being reductive*) [Ibid., p. 118]. Тем не менее для главной героини вопрос “*What are you?*” представляет возможность поговорить о том, что является неотъемлемой частью ее личности, а сам разговор на эту тему придает чувство уверенности и раскрывает ее индивидуальность.

4. Заключение=Conclusions

Графический роман является особым жанром, вмещающим огромный семиотический корпус. Это мультимодальный текст, внутри которого реализуются определённые социокультурные знания посредством вербальных и невербальных способов выражения. В силу жанровой характеристики графического романа можно наблюдать компрессию социальной реальности, при которой действует принцип комплементарности между вербальной и невербальной составляющими. Для передачи экспрессии автор использует лексические, стилистические, синтаксические и графические средства. Возможные сложности понимания читателем культурных и социальных норм компенсируются наглядным изображением и языковым подкреплением. Можно наблюдать равномерное распределение смысловой нагрузки в гра-

фической новелле: там, где есть особый фокус на выразительных средствах языка, графическая и иконическая составляющие выступают фоном, и наоборот, при интенсивной визуальной подаче образа, вербальная сторона нивелируется. Языковые выразительные средства в графической новелле не являются столь разнообразными в отличие от традиционного романа, однако они дополняются иконическими и графическими знаками. Особую выразительную роль и мультимодальный характер приобретают иноязычные вкрапления, авторские неологизмы и метаязыковые комментарии, так как они совмещают в себе языковой и неязыковой планы выражения. Иноязычные вкрапления не требуют дешифровки со стороны читателя, они являются графически-художественным фоном. Авторские неологизмы (*zaatar-covered onigiri*) построены по принципу уже известных неологизмов (*banana, egg*) и подкреплены визуальным компонентом, что снимает сложность понимания и усиливает эффект. Выразительные синтаксические средства придают изложению динамику и создают аудиальный фон к визуальному ряду, который, в свою очередь, помогает читателю ориентироваться в столь разных культурах и ценностях. Лексические (*white-non-white*), семантические (*phony-unique*), графические (<), грамматические (*not*) противопоставления наряду с изображениями придают эмоциональность и выразительность повествованию, а также способствуют пониманию общего контекста.

Американский графический роман как один из форматов комиксов представляет огромный интерес для изучения взаимодействия лингвистического, экстралингвистического и визуального аспектов. Можно предположить, что чрезвычайно разнообразные средства языка и графики в пространстве мультимодального текста дают возможность писателю для творческого освещения наиболее сложных и противоречивых тем в обществе. Вопрос идентичности в эпоху глобализации и мультикультурализма является одной из таких тем.

Источники

1. *Gharib M. I Was Their American Dream* / M. Gharib. — New York : Clarkson Potter/Publishers, 2019. — 162 p.

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71—78.

2. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 506 с.

3. *Вдовина Т. В.* Дискурс-анализ и перспективы применений социологических исследований : автореферат диссертации ... кандидата социологических наук : 22.00.01 / Т. В. Вдовина. — Москва, 2012. — 23 с.

4. *Геннеп ван А.* Обряды перехода. Систематическое изучение образов / А. Геннеп ван. — Москва : Восточная литература, РАН, 1999. — 198 с. — ISBN 5-02-018038-6.
5. *Йоргансен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргансен, Л. Дж. Филлипс. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. — 352 с. — ISBN 0-7619-7112-2.
6. *Перфильева Н. П.* Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. П. Перфильева. — Новосибирск, 2006. — 43 с.
7. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Высшая школа, 1990. — 240 с.
8. *Чертина З. С.* Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США / З. С. Чертина. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2000. — 163 с. — ISBN 5-94067-002-4.
9. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : УРСС, 2009. — 248 с.
10. *Bateman J. A.* Multimodality and Genre : A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents / J. A. Bateman. — New York : Palgrave Macmillan, 2008. — 331 p.
11. *Chu K.* Multimodal Analysis of Graphic Novels : A Case Study Featuring Two Asian Women Travelers / K. Chu, J. Simon. — London : King's College, 2015. — Pp. 145—166.
12. *Cohen R.* Global Sociology / R. Cohen, P. Kennedy. — London : MacMillan, 2000. — 608 p.
13. *Laclau E.* Hegemony and Socialist strategy / E. Laclau, C. Mouffe. — London : Verso, 2001. — 218 p.
14. *Fairclough N.* The Dialectics of Discourse [Electronic resource] / N. Fairclough. — Access mode: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.198.1214&rep=rep1&type=pdf> (accessed 2.12.2021).
15. *Jewitt C.* Multimodality, 'reading,' and 'writing' for the 21st century / C. Jewitt // Discourse. — 2005. — Vol. 26, Iss. 3. — Pp. 315—331.
16. *Kress G.* Multimodal Discourse : The Modes and Media of Contemporary Communication / G. Kress, T. van Leeuwen. — Oxford : The United State : Oxford University Press, 2001. — 162 p.
17. *Kukkonen K.* Studying Comics and Graphic Novels / K. Kukkonen. — New York : John Wiley & Sons Limited, 2013. — 192 p. — ISBN 978-1-118-49991-7.
18. *Parekh B.* Rethinking Multiculturalism : Cultural Diversity and Political Theory / B. Parekh. — New York : Palgrave Macmillan, 2006. — 424 p.
19. *Taylor Ch.* The Politics of Recognition / Ch. Taylor // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition / ed. by A. Gutman. — New Jersey : Princeton, 1994. — Pp. 25—73.
20. *Turner V.* Blazing the Trail : Way Marks in the Exploration, of Symbols / V. Turner. — Tucson : Tuscon & London : The University of Arizona Press, 1992. — 181 p. — ISBN 0816512914.
21. *Walsh M.* The 'textual shift': Examining the reading process with print, visual and multimodal texts / M. Walsh // Australian Journal of Language and Literacy. — 2006. — Vol. 29, Iss. 1. — Pp. 24—37.

Material resources

Gharib, M. I. (2019). *I Was Their American Dream*. New York: Clarkson Potter/Publishers. 162 p.

References

- Anisimova, E. E. (1992). Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts). *Questions of linguistics, 1*: 71—78. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 506 p. (In Russ.).
- Bateman, J. A. (2008). *Multimodality and Genre: A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents*. New York: Palgrave Macmillan. 331 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2009). *Linguistics of the text. Polycode. Intertextuality. Interdiscursivity*. Moscow: URSS. 248 p.
- Chertina, Z. S. (2000). *Melting pot. Paradigms of ethnic development of the USA*. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 163 p. ISBN 5-94067-002-4. (In Russ.).
- Chu, K., Simon, J. (2015). *Multimodal Analysis of Graphic Novels: A Case Study Featuring Two Asian Women Travelers*. London: King's College. 145—166.
- Cohen, R., Kennedy, P. (2000). *Global Sociology*. London: MacMillan. 608 p.
- Fairclough, N. *The Dialectics of Discourse*. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.198.1214&rep=rep1&type=pdf> (accessed 2.12.2021).
- Gennep van, A. (1999). *Rites of passage. Systematic study of images*. Moscow: Oriental Literature, RAN. 198 p. ISBN 5-02-018038-6. (In Russ.).
- Jewitt C. (2005). Multimodality, 'reading,' and 'writing' for the 21st century. *Discourse, 26* (3): 315—331.
- Jorgansen, M. V., Phillips, L. J. (2008). *Discourse analysis. Theory and method*. Kharkiv: Humanitarian Center. 352 p. ISBN 0-7619-7112-2. (In Russ.).
- Kress, G., Van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. Oxford: The United State: Oxford University Press. 162 p.
- Kukkonen, K. (2013). *Studying Comics and Graphic Novels*. New York: John Wiley & Sons Limited. 192 p. ISBN 978-1-118-49991-7.
- Laclau, E., Mouffe, C. (2001). *Hegemony and Socialist strategy*. London: Verso. 218 p.
- Parekh, B. (2006). *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. New York: Palgrave Macmillan. 424 p.
- Perfilieva, N. P. (2006). *Metatext: text-centric and lexicographic aspects*. Author's abstract of Doct. Diss. Novosibirsk. 43 p. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. *Optimization of speech impact*. Moscow: Higher School. 240 p. (In Russ.).
- Taylor, Ch. (1994). The Politics of Recognition. *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. New Jersey: Princeton. 25—73.
- Turner, V. (1992). *Blazing the Trail: Way Marks in the Exploration, of Symbols*. Tucson: Tucson & London: The University of Arizona Press. 181 p. ISBN 0816512914.
- Vdovina, T. V. (2012). *Discourse analysis and prospects of applications of sociological research*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Walsh, M. (2006). The 'textual shift': Examining the reading process with print, visual and multimodal texts. *Australian Journal of Language and Literacy, 29* (1): 24—37.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022,
одобрена после рецензирования 21.03.2022,
подготовлена к публикации 20.04.2022.